

Роберт Джексон

БЕННЕТТ

ГОРОД
ЛЕСТНИЦ

Annotation

Когда-то Божества правили Континентом, а значит, и всем миром, Сайпур же был всего лишь угнетенной колонией, лишённой божественной благодати. Но в отсутствие чудес сайпурцы пошли по технологическому пути развития и в результате не только свергли континентальную власть, но и убили почти всех Божеств, погрузив материк в хаос. Все, сотворенное Божествами, исчезло, города лежат в руинах, местным жителям запрещают изучать собственную историю и отправлять религиозные ритуалы. Когда в Мирграде, столице Континента, при таинственных обстоятельствах погибает сайпурский историк, который исследовал местные легенды, в город приезжает Шара Тивани. Официально она лишь обычный культурный посол, а на самом деле один из самых опытных шпионов Сайпура. Ее задача – найти убийцу, но вскоре она понимает, что ставки в этом деле высоки как никогда, что в Мирграде все не то, чем кажется, здесь водятся настоящие чудовища, царят заговоры, верить нельзя даже своим, а сведения о смерти Божеств, кажется, сильно преувеличены.

Роберт Беннетт

Город лестниц

* * *

Посвящается Эшли, которая помогает мне верить в лучшее будущее

Это художественное произведение. Имена, персонажи и события вымышлены, все совпадения с реальными людьми, событиями и местами случайны.

И сказала им Олвос: «Зачем вы сделали это, дети мои? Почему небо скрылось за клубами дыма? Зачем вы отправились на войну в далекие страны и пролили кровь в чужих землях?»

И они ответили Ей: «Ты сказала, что мы народ Твой, и на нас Твое благословение, и возрадовались мы в сердце своем, и умножилось наше счастье. Однако увидели мы неких людей не из Твоего народа, жестоковыйных и невежественных, и не захотели они пойти под руку Твою. Не пожелали они открыть слух свой для Твоих песен и положить слова Твои себе на язык. И тогда приступили мы к ним, и сбросили их со скал, и обрушили жилища их, и пролили их кровь, и развеяли их по ветру, и праведны были наши деяния. Ибо мы – избранный народ Твой, и на нас Твое благословение. Мы Твои, и через это облечены праведностью. Разве не таково слово Твое, данное нам в прошлом?»

И Олвос ничего не ответила.

Книга Красного Лотоса, часть IV, 13.51–13.59

Злейший себя

– ...В таком случае, полагаю, – заявляет Василий Ярославцев, – речь должна идти о наличии умысла! Не правда ли? Я прекрасно понимаю, что суд может не согласиться со мной – этот суд всегда выносил решение исходя из последствий поступков, а не намерений ответчика, – однако все же спрошу: неужели вы наложите столь существенный штраф на честного, скромного предпринимателя – и за что?! За непреднамеренное причинение вреда? Да еще и столь... мгм... абстрактного, с позволения сказать, характера?

Гулкий кашель в зале прерывает напряженное молчание. Из окна видно, как тени облаков бегут по стенам Мирграда.

Губернатор Турин Мулагеш хочет печально вздохнуть, но не решается. И смотрит на часы. «Гражданин определенно в ударе, – думает она. – Еще шесть минут – и он побьет рекорд предыдущего говоруна...»

– И вот мои свидетели! Мои друзья... – начинает перечислять Ярославцев, – ...соседи, работники, близкие, мои кредиторы наконец! Эти люди прекрасно меня знают – зачем им лгать? И они раз за разом повторяли: это просто стечение обстоятельств. Неприятное – безусловно! Но совершенно случайное!

Мулагеш косится в сторону стола, за которым расположились члены Высокого суда. Прокурор Джиндаш с очень серьезным лицом сосредоточенно обрисовывает собственную руку на бланке Министерства иностранных дел. Слева от нее Главный дипломат Труни пристально разглядывает весьма объемные прелести девушки в первом ряду. Рядом с Труни, в самом конце стола, пустует кресло, в котором положено сидеть приглашенному профессору доктору Ефрему Паньюю. Впрочем, профессор в последнее время нечасто тут появлялся. И хорошо, и отлично! Потому что присутствие профессора Паньюя в этом зале – да что там говорить, в самой этой проклятой стране! – сплошная головная боль для губернатора Мулагеш. Да.

– Я призываю Высокий суд, – и тут Ярославцев отважно колотит по столу, – к здравомыслию!

«Надо бы приискать кого другого, – мрачно думает Мулагеш, – чтоб вместо меня сюда таскался». Пустые мечты... Как губернатор полиса Мирград, столицы Континента, она обязана председательствовать на всех судебных заседаниях. Даже на таких дурацких.

– Общеизвестно – и вы обязаны принять это во внимание! – что я никогда не имел никакого на-ме-ре-ния! Я вообще думать не думал, что знак, висевший перед моей лавкой, имеет... словом, имеет ту природу, которую имеет!

В зале поднимается ропот – все прекрасно понимают, что хочет, но не может сказать Ярославцев. Труни поглаживает бороду и подается вперед: девица в первом ряду скрестила ноги. Джиндаш раскрашивает ногти нарисованной руки. Мулагеш быстро оглядывает толпу, привычно выделяя болезных и увечных: мальчик на костылях – рахит, женщина с коростой на лице – ветряная оспа, а что с человеком, что приткнулся в углу? Ладно, будем надеяться, что это просто грязь. Хотя... Так, нет, пусть это будет грязь. Ярославцев один из немногих континентцев, кто добился хоть небольшого, но успеха в жизни – он может позволить себе жильё с водопроводом. Так что в его лице мы наблюдаем отмытого от грязи представителя континентальной расы: бледнокожего, с грубыми чертами лица и темными глазами. Мужчины все как один заросшие бородами – смотреть страшно. Мулагеш и остальные

сайпурцы являют собой полную противоположность континентальному типу: невысокие, тонкие в кости, смуглые, с длинноватыми носами и узкими подбородками. И привычные к более теплomu климату – вот почему Труни кутается в эту нелепую медвежью шубу! Ах, солнечный Сайпур за Южными морями, как до тебя далеко...

В какой-то степени – причем в самой малой! – Мулагеш может понять равнодушие судей: Континент – жуткая отсталая дыра. Даже не так: Континент – упорствующая в своей отсталости дыра. Мрак и ужас. И зачем мы их оккупировали? Нищая, убогая страна... нет, понятно, зачем оккупировали, более того, у Сайпура о-очень уважительные причины для этого... «Кстати, а почему мы все еще зовемся оккупантами? – вдруг задумывается Мулагеш. – Мы здесь уже сколько? Семьдесят пять лет? Интересно, когда нас местные за своих признают...» Однако попробуй подойти к кому-нибудь прямо в этом зале и сказать: вот, на тебе денег, походи купи лекарств и вымойся! Так нет же, континентцы тебе скорее в руку плюнут. От сайпурца им и медного гроша не надо.

И Мулагеш понимает, почему сайпурцев так презирают. Сейчас местные все сплошь бедняки и нищие, но когда-то континентцы были самой опасной, самой грозной на свете человеческой расой. «И они это прекрасно помнят, – думает Мулагеш, замечая, как кто-то смотрит на нее из зала с нескрываемой ненавистью. – Вот почему они нас так ненавидят...»

И тут Ярославцев собирается с духом.

«Так. Начина-аается», – обреченно думает Мулагеш.

– У меня не было намерений, – четко и ясно выговаривает он, – придать моей вывеске сходство с талисманом какого-либо Божества, знаком небесной власти или сигилой какого-либо бога!

В зале тут же зашептались и зароптали – пока негромко. На Мулагеш и остальных сайпурцев эта пафосная речь не производит, впрочем, ровно никакого впечатления.

– Они что, не знают? – шипит Джиндаш. – Нам на каждом заседании по нарушениям Светских Установлений такое говорят! Сколько можно!

– Тихо, – шепчет в ответ Мулагеш.

Ярославцев понимает, что только что нарушил закон перед лицом власть предержащих, и это его воодушевляет.

– Да! Я не имел намерений выказать преданность какому-либо Божеству! Я вообще ничего – слышите? Ничего! – не знаю ни о каких Божествах! Не знаю, кем и чем они были...

Мулагеш хочет закатыть глаза, но вовремя останавливается. Ну конечно. Так мы вам и поверили, господин Ярославцев. Да каждый – слышите! каждый! – континентец знает хоть что-нибудь о Божествах. А говорить, что не знает, – все равно что спорить с тем, что дождь – мокрый.

– ...И поэтому я не мог знать и предполагать, что знак, который я вывесил над своим магазином дамских шляпок, имеет сходство – совершенно случайное, заметьте! – с божественной сигилой!

В зале вдруг повисает молчание. Мулагеш поднимает взгляд: ах, вот оно что, Ярославцев просто закончил свою речь.

– У вас все, господин Ярославцев? – спрашивает она.

Тот явно колеблется:

– Ммм... э-э-э... да? Хотя... да, да. Пожалуй, все.

– Благодарю. Можете присесть.

Слово берет прокурор Джиндаш. И выставляет на всеобщее обозрение фотографию

вывески «Шляпы от Ярославцева». А под буквами четко виден довольно большой знак: прямая линия с причудливой завитушкой на конце – при желании в ней можно увидеть поля шляпы.

Джиндаш разворачивается на каблуках лицом к залу:

– Это ваша вывеска, господин Ярославцев?

Джиндаш коверкает фамилию, причем вряд ли специально: просто все эти континентальные имена – они же непроизносимые. Все эти «-цевы», «-чевы» и прочие «-овы» – поди их различи. Нет, если больше десяти лет, как Мулагеш, здесь прожил, все нормально, – но Джиндаш не жил здесь десять лет.

– Д-да, – отвечает Ярославцев.

– Благодарю.

И Джиндаш демонстрирует изображение судьям и всем присутствующим в зале.

– Прошу суд отметить, что господин Ярославцев признал, что эта вывеска – да, именно эта вывеска – принадлежит ему.

ГД Труни многозначительно кивает. Континентцы в зале тревожно перешептываются. Джиндаш открывает свой дипломат с видом фокусника, готовящегося вытащить из шляпы кролика, – и Мулагеш морщится: клоун отвратительный, поганец, и зачем его назначили сюда, в Мирград... Прокурор тем временем вынимает из чемоданчика печатный оттиск с похожим знаком: прямая линия, внизу завитушка. Но на этом рисунке линия и завитушка туго сплетены из виноградных лоз – вон внизу даже листики видны.

При виде знака зрители дружно ахают. Кто-то порывается осенить себя священным знаменем, но вовремя спохватывается – они же все-таки в зале суда. Ярославцев вздрагивает и съеживается.

Труни фыркает:

– Ничего они не знают о Божествах, как же...

– Если бы почтенный доктор Ефрем Паньюй присутствовал на этом заседании, – и Джиндаш указывает на пустое кресло рядом с Труни, – он бы без труда опознал бы в этом рисунке священный знак Божества... ах, прошу прощения, покойного Божества...

В зале поднимается сердитый ропот, и Мулагеш мысленно помечает: при любом удобном случае наградить этого высокомерного сукина сына переводом куда-нибудь подальше. И похолоднее. И чтобы крысы кругом бегали.

Джиндаш заканчивает фразу:

– ...известного как Аханас. Данная сигила, по мнению континентцев, способствовала плодородию, плодовитости и придавала жизненных сил. Помещенная же на вывеску, она служила косвенным знаком того, что шляпы из этого магазина способны наделять покупателя подобными качествами. И хотя господин Ярославцев может опротестовать это, я узнал от его поверенных, что дело его резко пошло вверх, после того как над магазином была помещена эта вывеска! Судите сами: квартальная прибыль выросла на двадцать три процента! Вы только представьте себе...

Джиндаш кладет рисунок на стол и показывает два пальца на одной руке и три на другой:

– Двадцать. Три. Процента. Каково?!

– Ах ты ж батюшки! – качает головой Труни.

Мулагеш в замешательстве закрывает лицо ладонью.

– Но как вы?.. – лепечет Ярославцев.

– Простите, господин Ярославцев, – цедит Джиндаш, – но сейчас моя очередь говорить, не правда ли? Именно. Так вот о чем бишь я. Светские Установления, принятые Сайпурским парламентом в 1650 году, прямо запрещают и объявляют вне закона любое публичное признание существования божественного на Континенте. Любое публичное признание – намеки и косвенные упоминания тоже. Никаких исключений! Произнести имя Божества вслух – точно такое же нарушение закона, как упасть на колени посреди улицы, выкрикивая молитвы! Любое подобное действие считается нарушением Светских Установлений и неотвратимо влечет за собой наказание. Что же до нашего дела, то существенное увеличение прибыли прямо доказывает, что господин Ярославцев повесил этот знак, осознавая, что делает, а следовательно, преднамеренно!

– Это ложь! – выкрикивает Ярославцев.

– Господин Ярославцев был прекрасно осведомлен о божественной природе этого знака. И совершенно неважно, что Божество, соотносимое с этой сигилой, признано мертвым. Совершенно неважно, что эта сигила, естественно, не обладала никакими особыми свойствами и не могла наделить никого и ничего никакими качествами. Важно, что умысел в данном случае – налицо. И потому действия господина Ярославцева квалифицируются как нарушение, влекущее за собой наложение штрафа... – тут Джиндаш сверяется со своими записями, – ...в пятнадцать тысяч дрекелей.

Толпа в зале угрожающе ворочается, ропот переходит в низкое злое ворчание.

Ярославцев шипит, брызгая слюной:

– Вы... не имеете права... как же так!

Джиндаш гордо шествует к своему креслу и опускается в него. И оборачивается к Мулагеш с гордой улыбкой. Вот так бы взяла и врезала ему кулаком по физиономии...

Как бы хотелось обойтись без этой трескотни и показухи! Дела о нарушении Светских Установлений очень редко доходят до суда – не чаще, чем раз в пять месяцев. Обычно в таких случаях ответчик предпочитает иметь дело с губернаторскими чиновниками. Но иногда... о, иногда ответчика посещает невероятная уверенность в себе. И в своей правоте. И тогда он идет в суд. И каждый раз итогом оказывается нелепый спектакль.

Мулагеш оглядывает набитый битком зал – даже за скамьями у стены люди стоят. На что любуются? Это же скучное разбирательство по дурацкому муниципальному иску! Как в театр пришли, понимаешь...

Хотя нет – какой театр? Они пришли не на суд посмотреть. И Мулагеш смотрит в сторону пустующего кресла доктора Ефрема Паньюя. Они пришли посмотреть на человека, от которого у нее сплошные проблемы...

Так или иначе, если дело о нарушении Светских Установлений доходит до суда, ответчик почти всегда проигрывает. За двадцать лет, пока она тут губернаторствует, Мулагеш всего три раза вынесла оправдательный приговор. А все почему? Потому что сайпурские законы делают из этих людей преступников. А они просто живут, как привыкли...

Мулагеш покашливает, прочищая горло.

– Обвинение представило свои доказательства. Господин Ярославцев, вам предоставляется возможность опровергнуть сказанное.

– Но... но это... это нечестно! – сердито заявляет Ярославцев. – Выходит, вам можно рассуждать о наших сигилах, а нам нет? Это наши сигилы, знаки наших богов, между прочим! Наши, а не ваши! Почему мы должны молчать?!

– Штаб-квартира губернатора полиса, – и Джиндаш широким жестом обводит зал, – с

точки зрения закона является территорией Сайпура. Она не подпадает под действие Светских Установлений, применяемых только на Континенте.

– Но это... это возмутительно! Нет, это даже не возмутительно... это... это ересь! Самая натуральная ересь!

И Ярославцев вскакивает.

В зале суда повисает мертвая тишина. Все изумленно таращатся на Ярославцева.

«Отлично, – думает Мулагеш. – Только публичных выступлений против властей нам и не хватало».

– Вы не имеете права так поступать с нами, – упорно продолжает Ярославцев. – Вы уничтожаете все, связанное с Божественным! Произведения искусства, книги – вы людей арестовываете за простое упоминание имени!..

– Мы здесь собрались не для того, – строго прерывает его Джиндаш, – чтобы обсуждать законы или историю.

– Нет уж позвольте! Мы будем обсуждать здесь историю, потому что ваши Светские Установления отказывают нам в праве знать ее! Я... да я раньше никогда не видел знак, что вы сейчас показывали, знак... знак...

– Знак вашего Божества, – безжалостно заканчивает Джиндаш. – По имени Аханас.

Мулагеш видит в зале двух Отцов Города – так в Мирграде называют членов городского совета. Почтенные мужи смотрят на Джиндаша, в их взглядах читается холодная ненависть.

– Да! – восклицает Ярославцев. – А почему я не видел этого знака? Потому что его запретили! А ведь она была нашей богиней! Нашей!

Присутствующие оборачиваются на охранников у дверей зала – видно, думают, что те сейчас кинутся на Ярославцева и изрубят в куски.

– Вы что, хотите эти доводы привести в качестве опровержения? – усмехается Труни.

– А вы... вы позволили этому человеку... – и Ярославцев упирает обвиняющий перст в пустое кресло доктора Ефрема Паньюя, – ...приехать в нашу страну и прочитать все наши легенды, все наши сказания... изучить нашу историю – которой мы сами не знаем! Не знаем, потому что вы нам запретили!

Мулагеш морщится: ну естественно. Этого следовало ожидать.

Нет, понятно, что на часах мировой истории возраст Сайпура как сверхдержавы исчисляется в минутах. А до Великой Войны в течение многих веков Сайпур был колонией Континента. Точнее, Божеств Континента, которые его завоевали и удерживали под своей властью. И в Мирграде этого не забыли – иначе с чего бы Отцы Города ворчат: мол, что за времена настали, господа прислуживают слугам. Понятно, что не на публике ворчат, но все равно...

И, надо сказать, Министерство иностранных дел проявило вопиющую некомпетентность и удивительную халатность, когда проигнорировало все сообщения о напряженной обстановке и позволило почтенному доктору Паньюю прибыть сюда, в Мирград, с целью изучения древней истории Континента – той самой истории, которую континентцы по закону лишены права изучать. А ведь Мулагеш писала в Министерство: прибытие профессора вызовет протесты общественности. И все случилось как она и предсказывала: пребывание доктора Паньюя в Мирграде менее всего походило на визит, предпринятый во имя миролюбия и взаимопонимания; пришлось разбираться с протестами, угрозами и даже одним нападением – если можно было таковым назвать случай, когда кто-то бросил в доктора Паньюя камень, но случайно попал в полицейского, прямо по подбородку.

– Этот человек, – упорно продолжает Ярославцев, тыча перстом указующим в пустое кресло, – самым своим присутствием оскорбляет Мирград и весь Континент! Этот человек – живое подтверждение тому, что Сайпур презирает нас и не считает нужным считаться с нами!

– Так-так, – хмурится Труни. – Это уж слишком, вы не находите?

– Почему он читает то, что нам читать непозволительно?! – злится Ярославцев. – Он читает книги, написанные нашими предками! Дедами и прадедами!

– Он читает эти книги, потому что у него есть разрешение, – строго отвечает Джиндаш. – Разрешение Министерства иностранных дел. Профессор находится здесь с дипломатическим визитом в качестве посланника, если хотите. И какое все это имеет отношение к судебному...

– Думаете, выиграли войну и можете делать все, что хотите?! Так нет же! – выкрикивает Ярославцев. – Мы проиграли, да, но вы не смеете лишать нас нашего наследия! Руки прочь от наших культурных ценностей!

– Задай им жару, Василий! – выкрикивает кто-то из задних рядов.

Мулагеш хватается за свой молоток и колотит по столу. В зале мгновенно воцаряется тишина.

– Господин Ярославцев, могу ли я считать, что вы закончили приводить опровержения доводов обвинения? – устало спрашивает она.

– Я... я считаю этот суд незаконным! – хрипло выкрикивает тот.

– Принято к сведению. Главный дипломат Труни, каков будет ваш вердикт?

– О-о-о, виновен, – усмехается Труни. – Очень и очень виновен, просто до невозможности виновен.

Все взгляды в зале устремляются на Мулагеш. Ярославцев горько качает головой, губы беззвучно шепчут: нет, нет, нет...

Перекурить бы.

– Господин Ярославцев, – четко произносит она. – Если бы вы отказались оспаривать предъявленное вам обвинение, вам был бы назначен существенно меньший штраф. Однако, несмотря на рекомендацию суда и – заметьте! – данный лично мною совет, вы потребовали публичного рассмотрения дела. Полагаю, вы понимаете, что в данном деле обвинение предъявило исчерпывающие доказательства вашей виновности. Как правильно отметил прокурор Джиндаш, мы здесь собрались не для того, чтобы обсуждать историю. Мы имеем дело с последствиями исторических событий прошлого, и не нам их менять. Поэтому я с глубочайшим сожалением вынуждена...

Гулко бухает входная дверь. К ней одновременно поворачиваются семьдесят два человека.

На пороге стоит маленький сайпурец. Видно, что ему очень не по себе. И еще он очень встревожен. Мулагеш знает его: Питри как-то там, из посольства, мелкая сошка у Труни на побегушках.

Питри сглатывает и жалобно семенит через весь зал к расположившимся в креслах судьям.

– И что? – сердито говорит Мулагеш. – Вы в курсе, что прервали заседание суда? Надеюсь, у вас уважительная причина!

Питри протягивает руку. В руке у него записка. Мулагеш берет ее, разворачивает и читает:

«ТЕЛО ЕФРЕМА ПАНЬЮЯ НАЙДЕНО В ЕГО КАБИНЕТЕ В МИРГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. ПОХОЖЕ, ЕГО УБИЛИ».

Мулагеш поднимает глаза и смотрит в зал. Зал смотрит на нее.

Пора заканчивать с этим фарсом. Теперь всем точно будет не до дурацких судебных заседаний...

Она откашливается:

– Господин Ярославцев... В свете только что случившегося я вынуждена пересмотреть отношение к вашему делу.

Джиндаш и Труни одновременно восклицают:

– Что такое?

Ярославцев хмурится:

– Что такое?

– Можете ли вы сказать, господин Ярославцев, что извлекли должный урок из случившегося? – четко выговаривает Мулагеш.

В зал осторожно просачиваются два континентца. Они проталкиваются к стоящим в толпе знакомым, шепчут на ухо. Вскоре весь зал оживленно переговаривается.

– ... убит?.. – громко переспрашивает кто-то.

– У-урок?.. – повторяет Ярославцев.

– Я спрошу без обиняков, господин Ярославцев, – ровно говорит Мулагеш. – Вы ведь не дурак, правда? Вы ведь больше не будете вешать над лавкой божественную сигилу, чтобы привлечь покупателей?

– Что вы делаете? – шипит Джиндаш.

Мулагеш отдает ему записку. Джиндаш пробегает ее глазами и заметно бледнеет.

– О нет... Во имя всех морей, нет...

– ...забили до смерти! – громко сообщает кто-то в зале.

Весь Мирград уже в курсе. Естественно.

– Я... нет, – выходит из оцепенения Ярославцев. – Я... конечно... нет, я не буду, что вы?

Записку читает Труни, ахает и в ужасе оборачивается к пустому креслу доктора Паньюя, словно ожидая увидеть там труп безвременно почившего профессора.

– Я удовлетворена вашим ответом, – громко произносит Мулагеш и стучит молотком. – В таком случае как председатель суда я объявляю высказанное уважаемым Главным дипломатом Труни мнение несущественным и закрываю ваше дело. Вы можете покинуть зал.

– Да? Правда могу? – изумленно переспрашивает Ярославцев.

– Правда можете, – чеканит Мулагеш. – И я бы на вашем месте немедленно воспользовалась этой возможностью. Немедленно – значит очень быстро, прямо руки в ноги, господин Ярославцев.

Люди в зале не скрывают своей радости. Кто-то кричит во всю глотку:

– Он мертв! Воистину, он мертв! О, славная победа!

Джиндаш оседает в кресле, словно из него выдернули позвоночник.

– И что же нам теперь делать? – в ужасе бормочет Труни.

В толпе кто-то причитает:

– Нет! Нет! Подумайте сами! Кого они теперь пришлют?

Кто-то орет в ответ:

– Да кому какое дело!

– Вы что, не понимаете?! – отвечает тот же плаксивый голос. – Они снова нападут!

Опять война, оккупация, понимаете?! Они возьмут злейших себя и займут его место!

Мулагеш откладывает судейский молоток и с облегченным вздохом закуривает.

* * *

Питри мнется и не находит себе места. Вот как у них это получается, а? Как у жителей Мирграда получается спокойно посиживать рядом со стенами и даже жить рядом с ними? Ведь каждый же день поднимаешь жалюзи или там шторы раздвигаешь, выглядываешь из окошка – а они тут! И как они с ума не сходят?..

Питри пытается не смотреть *туда*. Он смотрит на часы – ага, на пять минут отстают и скоро отстанут на шесть, на семь и так далее... Питри разглядывает свои ногти – вроде все нормально, вот только на мизинце ноготь какой-то сморщенный, какая досада. Питри даже стационарного зрителя разглядывает – а тот злобно таращится в ответ. А потом Питри все-таки не выдерживает и... делает это. Быстренько, воровато смотрит влево. На восток. Там стены. Стоят и поджидают, когда Питри на них посмотрит.

Дело даже не в их размере. Хотя и в размере тоже – поди ж ты какие громадины. Дело в том, что вот он смотрит вверх, вверх – кончаются же они где-то, есть же у них верх, правда? – так вот Питри смотрит на них, и... и... в общем, в какой-то момент он их больше... не видит. Не видит стен. Вместо них проступают очертания далеких холмов, взблескивают звезды, ночной ветер качает деревья. И этот ночной пейзаж просматривается сквозь стены как сквозь мутное стекло, гадательно. И вообще, у всех нормальных стен есть верх, да? Так вот у этих – нет. Нет верха. Зубцов. Нету ничего. Там только ночное небо и толстая, довольная морда луны. А вот если смотреть не *на* стены, а *вдоль* них – о, совсем другое дело! Глаз выхватывает их плавный изгиб, очертания постепенно сгущаются, и Питри прекрасно видит домики и полуразвалившиеся здания, а где-то через сто ярдов свет городских фонарей отражается в гладкой ровной стене, как в огромном зеркале.

А если б он подходил к городу и приблизился к стенам, увидел бы просто камень. Обычный белый камень. Вот такое вот трогательное проявление заботы: существа, воздвигшие эти укрепления, хотели уберечь город от врага и в то же время не лишать его жителей рассветов и закатов. Вроде бы ничего опасного и страшного, милое такое чудо, а Питри все равно тревожится и трясется. С чего, спрашивается? Однако ж такова обычная реакция сайпурца на чудесное...

Питри снова взглядывает на часы и подсчитывает, сколько минут прошло. Поезд опаздывает? Все-таки это не совсем обычный поезд. Может, они всегда опаздывают? А может, это вообще поезда вне расписания. Да. А может, тот, кто управляет этим поездом, не в курсе, что получена официальная телеграмма, а в ней черным по белому написано: «В 3.00 утра». А ведь он, Питри, тоже лицо официальное, да! И он очень серьезно относится к этому очень серьезному тайному заданию! А может, всем просто плевать, что где-то на платформе ждет поезда человек, и человеку этому холодно, голодно и вообще страшно смотреть на эти стены. И стационарный зритель таращится так, словно убить хочет! И зенки какие страшные – бледно-голубые, бррррр...

Питри горько вздыхает. Если бы он сейчас умирал и видел перед глазами всю прошлую

жизнь до этого самого момента, до чего скучное вышло бы зрелище. Он-то думал, что назначение в сайпурское посольство – о-го-го-го какая интересная работа! Мир повидать, опять же, хотелось. Экзотические страны посмотреть. Ну и с экзотическими красотками познакомиться, не без этого. А что вышло? Вышло, что чего ни вспомнишь – Питри стоит и ждет. Он ведь кто? Ассистент помощника администратора посольства. И в качестве такового Питри выучился ждать, что ничего нового и волнующего не будет, а будет лишь новое и совершенно не волнующее, и будет он стоять и смотреть, как минутная стрелка проворачивается в циферблате, как рычаг в моторе машины, которая не желает заводиться... Еще он понял, зачем помощникам нужны младшие помощники: чтобы сгружать на них убийственно скучные мелкие дела, которыми полнится день чиновника.

Питри смотрит на часы. Сколько прошло? Двадцать минут?.. Из рта вырывается мутное облачко пара. Во имя всех морей, ну и работа у него...

Может, попросить о переводе? А что, для сайпурца на Континенте открывается не так уж и мало возможностей: территория разделена на четыре региона, которыми управляют региональные губернаторы, им подчинены губернаторы полисов, которые, в свою очередь, управляют большими городами Континента, а им подчиняются посольства, которые... кстати, а вот, чем занимаются посольства, Питри пока так и не понял. Чем-то таким с культурой связанным. Вот почему столько народу всегда задействовано...

Станционный смотритель выдвигается из своей комнатки и занимает позицию у края платформы. Оборачивается и смотрит на Питри, тот в ответ кивает и улыбается. Смотритель окидывает медленным мрачным взглядом тюрбан Питри и его короткую темную бородку и мрачно же сопит: за версту шалотником пахнет! И, напоследок смерив Питри уничтожающим взглядом – мол, смотри мне, только попробуй что-нить здесь стянуть! – поворачивается и уходит обратно в тепло. Можно подумать, на этой безлюдной платформе можно что-то украсть.

Как же они нас ненавидят! С другой стороны, ну да, ненавидят. Вот к этому, кстати, он успел привыкнуть, хотя не так уж и долго прослужил в посольстве. Мы велели им все забыть, но разве можно такое забыть? Нет уж, ни нам, ни им – да вообще никому! – такое не под силу.

И все-таки раньше Питри недооценивал природу этой ненависти. Он ее толком не понимал, пока сюда не приехал и все своими глазами не увидел: все эти ободранные стены и витрины магазинов, фасады, с которых сколотили барельефы и убрали статуи, толпы людей, заполняющие улицы Мирграда в определенные часы дня, чтобы побродить туда-сюда, – эти люди как будто знали, что пришло время почтить... в общем, почтить и уважить кого-то, но сделать ничего не могли и потому просто толпились. А еще он постоянно натывался в городе на площади с круговым движением и тупики, где когда-то что-то стояло, – это чувствовалось кожей. Прежде здесь возвышалась грандиозная статуя, или часовня, полная запаха ладана, – а теперь все, ничего не осталось. Замостили камнем и воткнули фонарь. Или разбили чахлый муниципальный сквер. Или скамейку поставили.

В Сайпуре все абсолютно уверены в том, что за семьдесят пять лет Светские Установления радикально изменили на Континенте все. И местные смирились и свыклись с новой жизнью. Но здесь, в Мирграде, Питри явственно ощутил, что, конечно, кое-что поменялось: естественно, никто из жителей Мирграда более не упоминал, не чтит и не признавал существование Божественного ни в каком из его аспектов. Во всяком случае, вслух не упоминал. А на самом деле Светские Установления обернулись полным пшиком.

Город все помнит. И все знает. Прошлое вошло в его кровь и плоть и ныне разговаривает умолчаниями с теми, кто имеет уши и слышит.

Питри ежится. Холодно.

Впрочем, ему не очень-то хочется снова оказаться в посольстве, где все так и бурлит от беспокойства и суматохи, вызванных убийством доктора Ефрема Паньюя. Телеграфы выплевывают бумаги, словно пьяницы, блюющие на пороге бара. Неустанно брякают и звякают телефоны. Между дверями снуют секретарши, с жестокостью сорокопутов нанизывая бумаги на железные штыри.

Но одна-единственная телеграмма заставила всех замереть, как статуи:

«К-ПОС ТИВАНИ МИРГРАД ВОКЗАЛ ИМ. МОРОВА ПРИБЫТИЕ 3.00 ШКРГ512»

Судя по коду в конце телеграммы, прибыла она не от губернатора полиса, а из штаб-квартиры самого регионального губернатора. А это, чтобы вы знали, единственное место, где есть прямая связь с Сайпуром. А еще секретарша Департамента связи, трясясь от ужаса, сообщила, что туда телеграмму наверняка прислали аж из-за Южных морей из самого Министерства иностранных дел.

Тут все жарко заспорили, кто должен встречать этого загадочного Тивани, – ведь его же явно послали отыскать и примерно наказать виновных в смерти профессора! А как же иначе, Сайпур ведь должен отомстить за лучшего из своих сынов! Разве предпринятые профессором разыскания не должны были стать прорывом в науке? И тут все быстренько решили, что встречать гостя должен Питри. Потому что он молодой и приятный в обхождении. А возразить Питри не мог, потому что в комнате его как раз не было.

А потом все стали обсуждать непонятное «к-пос», в смысле «культурный посол». С чего бы им посылать сюда такую мелкую сошку? Ведь все знают: на эту должность набирают чуть ли не студентиков, зеленую молодежь с завиральными идеями насчет того, что, мол, надо изучать чужую культуру и историю. Уважающие себя сайпурцы из метрополии такого образа мыслей чурались. Обычно эти КП служили всего лишь украшением на приемах и праздниках. Так с чего бы теперь засылать одного из них в самую гущу крупнейшего дипломатического скандала нашего времени?

– А вдруг, – решился высказать коллегам свои мысли Питри, – это все никак не связано? Может, это просто совпадение?

– Ну конечно же, это никакое не совпадение! – заявил Нидайн, помощник заведующего Департаментом связи. – Телеграмма пришла буквально через несколько часов после нашего сообщения о случившемся! В Министерстве узнали и отреагировали.

– Но почему КП? Они б еще сантехника прислали. Или арфиста...

– А вдруг, – протянул Нидайн, – этот господин Тивани никакой не культурный посол? Мало ли кто он на самом деле!

– Ты на что это намекаешь? – испугался Питри, и у него нестерпимо зачесалась голова под тюрбаном. – Ты намекаешь, что официальная телеграмма содержит ложные сведения?!

А Нидайн только вздохнул и покачал головой:

– Ох, Питри. И как тебя только в Министерство взяли?

И теперь Питри стоит, мерзнет и мрачно думает: «Ненавижу тебя, Нидайн. Вот увидишь, когда-нибудь я приглашу твою красавицу-девушку на танец, и она без памяти влюбится в меня, и ты придешь домой и наткнешься на нас, мокрых и счастливых, в спальне, и подлое твое сердце пронзит страшная боль!»

Впрочем, что тут думать? Сгупил он, сгупил. Нидайн-то хотел сказать, что у этого

Тивани просто удостоверение КП выправлено, а на самом-то деле он тайный секретный агент, под прикрытием работающий на вражеской территории! Такие люди изничтожают врагов родины и в зародыше подавляют сопротивление сайпурским властям, да. Мысленному взору Питри тут же предстает крепко сбитый бородач, крест-накрест перетянутый патронташем со взрывчаткой, в зубах у него тускло блестит кинжал, испробовавший немало крови в темных закоулках... Чем больше Питри о таком думает, тем больше он боится загадочного Тивани. А вдруг он выскочит из вагона подобно огнеглазому джиннифриту и заплюет его, Питри, черным ядом из острозубой пасти?! Очень, очень страшно все и непонятно...

С востока доносится гул. Питри оборачивается к городским стенам – вот оно, крошечное отверстие у самого их подножия. Отсюда оно кажется проточенной червем дырочкой, а на самом деле это туннель в тридцать футов высотой!

В черном зеве тоннеля вспыхивает свет. Следом доносится грохот и скрежет, и из отверстия вырывается поезд.

Хотя какой это поезд – одно название: старый, на ладан дышащий паровоз тащит одинокий хлипкий вагончик. Ни дать ни взять шахтерская вагонетка, в такой только между терриконами кататься. Да уж, неподходящее средство передвижения для дипломата. Даже для культурного посла неподходящее.

А поезд тем временем с лязгом останавливается у платформы. Питри тут же подскакивает к дверям вагона, выпятив грудь и элегантно заложив руки за спину. Как он выглядит? Все пуговицы застегнуты? Тюрбан на сторону не съехал? Эполеты начищены? А кто их знает, может, и нет! И Питри судорожно облизывает палец и принимается натирать золоченое шитье. Тут дверь с диким скрипом отворяется, и там...

Красное. Нет, какое красное – бордовое. Там все бордовое, словно занавеску в проеме повесили. Занавеска сдвигается, и изумленному взгляду Питри предстает что-то длинное, белое и с пуговицами посередине.

Оказывается, это вовсе не занавеска. Это грудь мужчины в темно-бордовом пальто. Да не просто мужчины – а настоящего гиганта, Питри раньше таких видеть и не доводилось!

Гигант распрямляется и выдвигается из вагона. Ноги его бухают по доскам, обрушиваются на дерево подобно жерновам. Питри отшатывается назад – экая громадина! На ногах у незнакомца чудовищного размера черные сапоги, по голенищам их метет длинное бордовое пальто, рубашка расстегнута, шейного платка нет и в помине, а на голове красуется широкополая серая шляпа, лихо, по-пиратски, надвинутая на один глаз. Правая рука затянута в мягкую серую перчатку, на левой – только плетеный золотой браслет. Странно, зачем ему женская побрякушка?.. Росту в нем поболее, чем шесть с половиной футов, в спине и в плечах он невероятно широк, но тело поджарое, ни единой унции жира. И лицо худощавое, голодное какое-то. Кстати, о лице – ничего себе внешность у сайпурского посла! Кожа белая, испещренная розовыми шрамами, борода и волосы бледно-золотистые, а глаза – точнее, глаз, ибо глаз у незнакомца один, на месте второго зияет темный, прикрытый веком провал – тоже бледный-бледный, ледяного серого цвета.

Дрейлинг он. Северянин. Как это ни удивительно, но посол оказался дикарем-горцем, чужаком и для Сайпура, и для Континента.

Вот это Министерство отреагировало... И если это действительно их реакция, жди беды...

Гигант окидывает Питри ровным, равнодушным взглядом, словно бы прикидывая:

наступить на этого мелкого сайпурца, раздавить как букашку – или повременить?

Питри сгибается в осторожном поклоне:

– Рад видеть вас, посол Тивани, в ч-чудесном городе Мирград! Меня зовут Питри Сутурашни. Надеюсь, вы хорошо доехали?

Молчание.

Застывший в поклоне Питри осторожно приподымает лицо и косится. Гигант разглядывает его, вздернув бровь, удивленно и чуть презрительно.

Откуда-то из-за спины гиганта доносится звук – кто-то прочищает горло. Гигант, ни полслова не говоря, разворачивается и топает к будке станционного смотрителя.

Питри задумчиво чешет в голове и смотрит ему вслед. Покашливание повторяется, и тут до него доходит, что в дверях вагона стоит еще кто-то.

Это маленькая, ростом даже ниже Питри, сайпурка. Темнокожая, очень просто одетая: голубой пиджак и платье – впрочем, платье приметное, сайпурского кроя. На носу у нее очки, и она внимательно смотрит на него через толстенные линзы. На женщине легкий серый плащ, голубая шляпка с узкими полями и бумажной орхидеей на тулье. Какие-то у нее глаза не такие... У гиганта взгляд невероятно спокойный, прямо до дрожи неживой, а у нее все наоборот: глаза большие, темные, они подобны глубоким колодцам, в которых плещутся рыбы.

Тут женщина улыбается. Улыбка у нее не то чтобы приятная или неприятная – она как превосходное серебряное блюдо, которое выставляют по большим праздникам, а потом начищают и убирают в шкаф.

– Благодарю, что встретили меня в такой поздний час, – говорит она.

Питри смотрит на нее, потом на гиганта – тот, кстати, как раз протискивается в будку к смотрителю, и смотритель явно нервничает.

– П-посол Тивани?

Она кивает и сходит на перрон.

Женщина?! Этот загадочный Тивани – женщина?! Но почему же они...

О, будь проклят Департамент связи! Чтоб им провалиться, сплетникам и лгунам!

– Полагаю, что Главный дипломат Труни, – невозмутимо продолжает женщина, – занят ликвидацией последствий убийства? В противном случае он бы встретил меня лично, не правда ли?

– Э-э...

Вообще-то он, Питри, не в курсе того, чем занят ГД Труни. Ему до ГД Труни как до звезд небесных, но не признаваться же в этом вслух?

А она все так же смотрит на него сквозь очки. Медленно смигивает. На Питри накатывает тишина, подобная океанскому приливу, и эта тишина заливает его с головой. Он пытается что-то придумать, что-то сказать – и выдавливает наконец:

– Рад видеть вас в Мирграде!

Нет, нет, неправильно, не так! Но не молчать же? И он глупо договаривает:

– Надеюсь, вы хорошо доехали?

Нет! Что он несет, что он несет!

Она некоторое время молча смотрит на него и наконец произносит:

– Вас зовут Питри, так вы сказали?

– Д-да.

За спиной раздается крик. Питри оборачивается и смотрит на того, кто кричит, а Тивани

нет – она продолжает разглядывать Питри, как диковинного жука. А Питри видит, как гигант выдирает у стационарного зрителя из рук какую-то штуку – это какой-то планшет, да. А зрителю это явно не нравится. Гигант склоняется над ним, снимает с правой руки серую перчатку и разжимает пальцы, показывая... что-то. Зритель, только что багровый, как свекла, мгновенно бледнеет. Гигант отдирает какую-то бумажку, возвращает планшет зрителю и выдвигается из будки.

– Кто... это?

– Это мой секретарь, – безмятежно отзывается Тивани. – Сигруд.

Гигант вынимает спичку, чиркает ее о ноготь большого пальца и подпаливает бумажку.

– С-секретарь? – выдавливают Питри.

Пламя лижет пальцы гиганта, но тот ничем не выдает боли. Если он ее вообще чувствует... А когда бумажка окончательно прогорает, он дует на нее. Р-раз – и полетели, полетели огненные бабочки пепла по платформе. Потом гигант натягивает серую перчатку и обводит станцию холодным, спокойным взглядом.

– Да, – отвечает Тивани. – А теперь, если вам нетрудно, не могли бы мы отправиться непосредственно в посольство? Уведомило ли посольство официальных лиц Мирграда о моем прибытии?

– Э-э-э...

– Понятно. Находится ли тело профессора на территории посольства?

У Питри голова идет кругом. А в самом деле, куда девают тело, когда оно умирает? С духом-то все понятно, а вот с телом-то что происходит?

– Понятно, – вздыхает Тивани. – Вы на машине приехали?

Питри кивает.

– Отлично. Идемте же к машине.

Питри снова кивает. А голова все равно идет кругом! И вот он ведет госпожу Тивани через длинные тени перрона в улочку, где стоит машина. И все оборачивается и оборачивается, смотрит и не верит своим глазам.

Это что же, они ее, что ли, сюда прислали?! Вот эту девчонку? Серую мышку с тоненьким голоском? Сюда, в логово врага, оплот ненависти? Ее же к утру сожрут и косточками плюнут...

Даже сейчас, после многолетних разысканий и изучения предметов культуры, мы не в состоянии восстановить их зримый облик. Скульптуры, картины, фрески, барельефы и резные панно либо непоследовательны в их представлении, либо слишком абстрактны. Так, Колкана изображали и как гладкий камень в тени дерева, и как темную гору в свете яркого солнца, и даже как глиняного человека, сидящего на вершине горы. И тем не менее четкие визуальные образы дают нам более ясное представление, чем те, где объекты нашего исследования возникают в виде абстрактных рисунков или цветовых узоров, едва намеченных кистью художника. Так, к примеру, если верить древним живописцам Континента, Божество Жугов являлось в облике стаи скворцов – ни больше ни меньше.

Данные исследований отрывочны, и мы не можем сделать никаких определенных выводов, исходя из этих сведений. Действительно ли запечатленные скульпторами и художниками существа представляли перед людьми в таком облике? Или мы имеем дело с ограничениями человеческого восприятия, и произведения древних мастеров свидетельствуют об опыте, отличном от обычного зрительного?

Возможно, жители Континента не были в состоянии полностью осмыслить представавшее их глазам. А теперь, когда Божества мертвы, мы так никогда и не узнаем правды.

Проходит время, и все замолкают – и люди, и вещи. И боги, похоже, не исключение.

Д. Ефрем Паньюй. Искусство Континента: его сущность и особенности

Она едет и смотрит по сторонам.

Она смотрит на полуобрушенные арки, на просевшие, некогда могучие своды, на проржавевшие шпили и путаные улочки. Смотрит на потускневшие ажурные узоры на фасадах, на пестрые изразцы провалившихся куполов, темные от сажи стекла тимпанов, перекошенные, через одно битые окна. Смотрит на людей – худых от недоедания, оборванных, рахитичных. Как они шныряют по длинным галереям, жмутся в тени дверных ниш – нищие города призрачной славы, города сгинувших диковин. Она смотрит и видит то, что ожидала увидеть, и все же... вид унылых развалин тревожит воображение, и оно живо рисует город таким, каким он был семьдесят, восемьдесят, девяносто лет назад...

Мирград. Град, Стеной обнесенный. Святейшая гора. Престол мира. Город лестниц.

Она, кстати, так никогда и не понимала – при чем тут лестницы? Стены, горы, престолы – понятно, звучит величественно. Но лестницы?

А вот теперь Ашара – или просто Шара, как она предпочитает зваться, – наконец понимает, при чем тут лестницы. Ибо они тут повсюду: вьются в воздухе, ведут в никуда, вздымаются огромными холмами, уводя вверх прямо с тротуаров, переплетаются на разной высоте, как ручьи на лесном склоне, неожиданно возникают перед глазами, подобно водопадам и белопенным потокам, и буквально через несколько ярдов открывается неожиданный и захватывающий вид...

Наверное, это новое имя. Его могли дать только после Войны. После того, когда все... исчезло.

Так вот как выглядит Миг. Точнее, его последствия...

Интересно, куда вели все эти лестницы раньше, до Войны? Явно не туда, куда сейчас. Просто не верится, что она здесь, что она приехала сюда, что это происходит именно с ней...

Мирград. Город Богов.

Она смотрит в окно машины, и перед ней проплывает город – некогда столица мира, а ныне место запустения и гибели. Но жители упорно отказываются покидать его – Мирград до сих пор третий или четвертый город в мире по населенности. Хотя раньше он был гораздо, гораздо больше... И почему они держатся за эти руины? Зачем живут в опустевшем, выпотрошенном городе, среди вечного холода и теней прошлого?

– У вас глаза не болят? – вдруг спрашивает Питри.

– Простите?.. – удивляется Шара.

– Проблем со зрением не возникает, нет? У меня, знаете ли, иногда прям плывет все перед глазами – поначалу-то, когда я только приехал, такое часто случалось. Знаете, смотришь вот так вокруг, и вдруг, в некоторых местах... словом... что-то там не так, в этих местах. И прямо мутит тебя от этого. Говорят, раньше такое сплошь и рядом случалось, а сейчас уже пореже.

– И на что это похоже, Питри? – спрашивает Шара, хотя ответ ей известен: об этом феномене она много, очень много читала. И слышала о нем тоже много.

– На что похоже?.. Даже не знаю, как сказать... Словно бы в стекло смотришь.

– В стекло?

– Нет, ну не в стекло, конечно. А словно бы в окно. Но окно это выходит на какое-то место, а места этого больше нет. Не знаю, как сказать точнее... В общем, увидите – сами все

поймете.

Историк в ней борется с оперативником: «Нет, ты только посмотри на эти арки, на названия улиц, на зазубрины на стенах, смотри, вот тут здание волной пошло» – хлопает в ладоши историк. «Наблюдай за людьми, за их походкой, подмечай, как они оглядываются» – это уже оперативник. А улицы, кстати, почитай что пусты – с другой стороны, это логично, время уже за полночь. Здания все низкие, маленькие... Машина выбирается на горку, с нее открывается вид на город – сплошь плоские крыши, жмущиеся к земле дома. И так до самых Стен. Надо же, ни одного высокого здания, как непривычно...

А ведь раньше здесь возносились к небу величественные строения. До Войны. А теперь перед глазами пусто – ни шпиля, ни башни. Неужели все это взяло и исчезло в одно мгновение?

– Вы, наверное, в курсе, – говорит Питри, – но в окрестностях посольства лучше передвигаться на машине. Район вокруг... не самый хороший. Люди говорят, что, когда посольство въехало в здание, народ попримечнее быстренько перебрался в другие районы. Говорят, рядом с шалотниками жить не хотели...

– Ах, ну да... – бормочет Шара. – Я и забыла, что они нас так здесь называют.

Конечно, шалотники, – ведь мы, сайпурцы, этот шалот куда только не кладем! С другой стороны, могли бы и поточнее обзывать: ведь настоящий сайпурец луку-шалоту твердо предпочитает чеснок.

Шара косится на Сигруда. Тот смотрит прямо вперед – во всяком случае, так кажется. Понять, на что смотрит Сигруд в какой-то конкретный момент, обычно нелегко. Он сидит совершенно неподвижно, излучая презрительное равнодушие к окружающим – истукан истуканом. Так или иначе, но зрелище его явно не впечатляет. Мирград ему неинтересен. Очередной город из очередной поездки, угрозы нет, его, Сигруда, вмешательства не требуется. Вот Сигруд и не обращает на город никакого внимания.

Так, надо сосредоточиться – следующие несколько часов обещают быть очень нелегкими. Предстоит разобраться с парой заковыристых дел. А еще Шара пытается прогнать мысль, назойливо бьющуюся в голове со вчерашнего дня. С той самой минуты в Аханастане, когда в ладони ей легла лента телеграфа. Она пытается прогнать эту мысль и не может.

«Бедный мой Ефрем... Как такое могло с тобой случиться?»

* * *

Кабинет ГД Труни похож на обычный чиновничий кабинет в Сайпуре. Вот только обставлен он с крикливой роскошью: жалюзи темного дерева, на полу ковер с цветочным рисунком, светло-синие стены, над столом – медные лампы с яркими плафонами наборного стекла. Со стены свешивает крупные листья родной сайпурский папоротник «слоновье ухо», хрупкие волнистые листья серо-зеленой волной струятся из выстланного мхом вазона. А под папоротником кипит на крохотной свечке чайничек с водой – из носика поднимается струйка пара и увлажняет растение, привычное к тропическому климату. Какая уж тут метизация культур, не говоря о тесном взаимодействии на уровне искусства и науки, ведущем к укреплению межрегиональных связей, – и в помине здесь нет того, о чем так громко заявляют на заседаниях министерских комитетов в далеком Сайпуре.

Однако то, как обставлен этот кабинет, – далеко не самое страшное. Самое страшное висит на стене за письменным столом.

Шара смотрит на стену и не может отвести глаз – гипнотическая притягательность ужасного, ничего не поделаешь. В душе поднимается ярость: как?! Как можно быть таким идиотом?!

Труни размашистым шагом входит в кабинет. Выражение лица у него трагически-мрачное, словно бы это он умер, а не Ефрем.

– Культурный посол Тивани, – приветствует он гостью.

Выставляет вперед левую ногу, вскидывает правое плечо и отвешивает картинно-вежливый поклон:

– Вы оказали нам честь своим визитом, пусть нынешние обстоятельства и омрачают радость от вашего прибытия.

Интересно, какую подготовительную школу он посещал в Сайпуре? Естественно, она ознакомилась с его досье и лишней раз убедилась в том, что бесперспективных в силу своей тупости отпрысков влиятельных семейств распикивают по сайпурским посольствам за границей. А ведь этот глупец уверен, что она из точно такой же семьи, – потому и старается произвести впечатление.

– Пребывание здесь – честь для меня.

– И для нас тоже. Мы...

Тут Труни подымает взгляд и обнаруживает, что в кресле в углу развалился Сигруд. Сидит себе спокойненько и набивает трубку.

– Э-э-э... К-кто это?

– Это Сигруд, – отвечает Шара. – Мой секретарь.

– Его присутствие обязательно?

– Сигруд – мой помощник во всех делах. В том числе конфиденциальных.

Труни внимательно разглядывает его:

– Он глухой? Тупой?

Сигруд косится на него одним глазом. Затем возвращается к своему занятию.

– Ни то ни другое.

– Ну что ж... – говорит Труни. Протыкивает лоб платком и берет себя в руки. – Что ж, как вижу, профессор оставил после себя достойную память, – и он усаживается за стол, – если министр Комайд немедленно выслала служащего за его останками. Вы ведь всю ночь провели в дороге?

Шара кивает.

– Батюшки мои, какой ужас! Где чай?! – вдруг ни с того ни с сего орет он. – Где чай, я вас спрашиваю?!

И он хватается со стола колокольчик и звонит, звонит в него с перекошенным лицом, а потом еще и долбит им по столу, требуя немедленного исполнения приказа. В комнату бочком протискивается девушка не более пятнадцати лет от роду, в руках у нее огромный, как линкор, поднос с чаем.

– Ты где запропастилась?! – рявкает он. – Не видишь – у нас гостья!

Девушка испуганно опускает глаза и разливает чай по чашкам. Труни поворачивается к Шаре, словно бы они одни в комнате:

– Я так понимаю, вы были поблизости, в Аханастане? Преотвратный город – во всяком случае, таково мое личное мнение. Там полно чаек, а эти мерзкие птицы – прирожденные

воры. А местные берут с них пример!

Небрежным движением двух пальцев он отсылает девушку, которая низко кланяется, прежде чем попятиться к двери.

– Однако же наш долг – принести им свет цивилизации. Я имею в виду – местным, а не чайкам, конечно.

И он счастливо смеется собственной шутке.

– Не хотите ли чаю? Это наш лучший сирлан!

Шара натянуто улыбается и отрицательно качает головой. На самом деле она жить без кофеина не может и многое бы отдала за чашку чаю, но провалиться ей на этом месте, если она примет от ГД Труни хоть что-нибудь.

– Как угодно. В Мирграде – уверен, вы об этом наслышаны, – все по-другому. Кое-что здесь неустанно сопротивляется нашему влиянию, и я имею в виду не только городские стены. Помилуйте, всего три месяца назад губернатору полиса пришлось вмешаться и помешать расправе над женщиной, которая сошлась с другим мужчиной, – прошу прощения, что вынужден говорить о таких неприличных вещах с молодой девушкой, но они хотели повесить эту женщину за то, что она сошлась с другим мужчиной, после того как умер ее муж! Причем этот несчастный муж умер много лет назад! Отцы Города остались глухи к моему мнению, но Мулагеш они... – Тут он осекается: – М-да. Не странно ли, что город, наиболее пострадавший в прошлом, так упорно противится всему новому?

Шара улыбается и кивает:

– Полностью согласна с вами.

Над его плечом висит эта картина, и она прямо-таки притягивает ее взгляд...

– Так, значит, останки доктора Паньюя находятся в этом здании?

– Что? Ах да. – Он пытается прожевать только что откушенный кусок печенья. – Простите... да, да, тело здесь. Какой кошмар! Ужасная трагедия.

– Могу ли я осмотреть его перед отправкой?

– Вы хотите осмотреть останки? Но они... прошу прощения, но труп выглядит, м-м, крайне непрезентабельно.

– Я в курсе обстоятельств его смерти.

– Вот как? А вы в курсе, что это была страшная смерть? Насильственная! Ужасная смерть, девочка моя.

Девочка моя, значит. Ну-ну.

– Мне уже сообщили об этом. Но я должна осмотреть тело.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Ну что ж... м-м.

И он расплывается в любезнейшей из улыбок.

– Вот что я вам скажу, девочка моя. Я вас очень хорошо понимаю, ибо сам был таким же: молодой КП, патриот своей страны, изображал бурную деятельность в этом политическом цирке... Вы меня понимаете – старался изо всех сил, чтобы меня заметили. Но, поверьте мне, все это впустую. Это как обрывать телефон, когда вас никто не слушает. На другом конце провода просто никого нет. Усвойте это. Министерству попросту не до культурных послдов, они никому там не сдались. Это что-то вроде дедовщины, моя дорогая: пока не отслужил свое – не мельтеши. Так что не утруждайте себя лишней раз. Займитесь лучше чем-нибудь более приятным и полезным. Уверен, скоро они пришлют разбираться с

этим делом кого-нибудь посерьезнее.

Шара даже не сердится: ярость перекипела и уступила место жалостливому изумлению. Думая над достойным ответом, она обводит глазами комнату – и перед ней опять оказывается эта картина.

Труни примечает, куда она смотрит:

– Ах! Вижу, вам пришлось по душе жемчужина моей коллекции.

И он вальяжно указывает на полотно:

– «Ночь Красных Песков» Ришны. Работа, исполненная подлинно патриотического духа.

Не оригинал, к сожалению, копия, но очень старинная. И весьма точная.

Хотя Шаре многожды приходилось видеть эту картину – еще бы, в Сайпуре она висит чуть ли не в каждой школе и ратуше – она, тем не менее, пробуждает в ней мучительное любопытство и смутную тревогу. На картине изображено поле битвы – бескрайние пески ночной пустыни. На ближайшей к зрителю гряде барханов выстроилась немногочисленная и убого экипированная армия сайпурцев. А напротив – впечатляющая стена закованных в броню мечников. На них тяжелые, сверкающие, массивные доспехи, полностью закрывающие тело, забрала шлемов – разевающие в яростном крике пасть демоны, мечи потрясают воображение своей длиной – футов шесть, не меньше, и каждый клинок горит холодным огнем. Словом, глядя на картину, сразу понимаешь: сейчас эти стальные воины врежутся в строй нищих, оборванных сайпурцев и пройдут через него, как нож через масло. И все же что-то испугало этих несгибаемых меченосцев – все взгляды обращены на сайпурца, который стоит на вершине высокого бархана позади строя своих воинов. Храбрец в развевающемся на ветру плаще – предводитель убогого войска, несомненно. И в руках у него странное оружие: ствол длинный и тонкий, хрупкий, как тельце стрекозы, и из дула его вырывается огненный шарик, летящий по дуге над головами вражеских солдат. И крохотный этот снаряд попадает в...

Во... что-то непонятное. Возможно, в человека – только огромного и укрытого тенью. Трудно разглядеть фигуру: возможно, художник и сам не знал, как выглядело то, что он хотел нарисовать.

Шара разглядывает предводителя сайпурцев. Естественно, она в курсе, что картина грешит историческими неточностями: кадж на самом деле стоял перед строем сайпурцев в Ночь Красных Песков, и он не стрелял лично. Он вообще предпочел держаться подальше от оружия. Некоторые историки, насколько она помнит, считают, что это был акт личного мужества, другие полагают, что кадж, на самом-то деле, еще не имел случая применить свое экспериментальное оружие на деле и не знал, чем все закончится – успехом или тотальной неудачей. На случай неудачи он и держался подальше – мало ли что. И тем не менее. Где бы он на самом деле ни стоял, именно в момент того судьбоносного выстрела все и началось.

Так. Довольно вежливости.

– Вы именно в этом кабинете принимаете Отцов Города, посол? – спрашивает Шара.

– Ммм... в смысле? Ах да, конечно.

– Увидев эту картину, они что-нибудь говорили?

– По правде говоря, не припоминаю. Хотя временами они просто застывали, глядя на нее. Я полагаю, от восхищения. Великолепная работа, не находите?

Она улыбается:

– Главный дипломат Труни, знаете ли вы, с какой целью в этот город прибыл профессор Паньей?

– Э-э-э-э... в смысле... да, конечно, знаю. Переполох поднялся знатный! Он же полез во все эти их пыльные старые музеи, разворошил все эти старинные свитки... Письма так и сыпались. Я даже сохранил некоторые...

И он начинает рыться в ящике стола.

– А вы в курсе, что решение о поездке принимала министр иностранных дел Винья Комайд?

– Да, и что?

– В таком случае вы, должно быть, осознаете, что расследование смерти профессора и ее обстоятельств не входит в сферу полномочий посольства, губернатора полиса и даже регионального губернатора, а осуществляется непосредственно Министерством иностранных дел?

Глазки цвета птичьей неожиданности забегали – задумался, этажи иерархии просчитывает.

– Ну... да, это было бы логично...

– В таком случае имею вам сообщить, – чеканит Шара, – что мое звание культурного посла в данном случае – техническая формальность.

Усы Главного дипломата приходят в судорожное движение. Труни стреляет глазками в Сигруда, словно бы пытаясь удостовериться, правда ли это, но тот неподвижно сидит в кресле, сплетя пальцы.

– Т-техническая формальность?

– Именно. А поскольку, как я вижу, вы склонны считать мое появление в Мирграде чем-то вроде технической формальности, вынуждена вам сообщить, что мой приезд вызван совершенно иными причинами.

И она запускает руку в свою сумочку, вынимает кожаный медальон и пододвигает его к Труни. Тот мгновенно узнает аккуратный отпечаток герба Сайпура по центру и скромные буквы по низу: МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ.

Увиденное не сразу вмещается Главному дипломату в голову. Потом он выдает ошеломленное:

– Ничесе... м-да.

– Итак, – цедит Шара, – вы теперь в курсе, что перед вами – ваше непосредственное начальство.

И она тянет руку к колокольчику, решительно берет его со стола и оглушительно звонит. В кабинет входит давешняя девушка и явно не знает, как себя вести, потому что вместо босса к ней обращается Шара:

– Бригаду сюда. Немедленно снять и вынести эту картину.

Труни вскипает, брызгая слюной:

– Что? Что вы хотите этим сказать, снять и...

– Я хочу этим сказать, – жестко перебивает его Шара, – что собираюсь придать этому кабинету достойный вид. Чтобы люди входили сюда и видели, что здесь сидит ответственный работник. И начну я непосредственно с этой картины – потому что она представляет в несоответствующем романтическом виде трагический момент истории Континента, за которым последовало грандиозное кровопролитие.

– Еще бы! Между прочим, это великий момент для нашего народа, сударыня...

– Да. Для нашего народа – да. А для их народа – нет. И вот что я вам скажу, господин Труни. Я практически уверена, что причина тому, что Отцы Города не прислушиваются к

вашему мнению и не уважают вас, а в последние пять лет – если вы обратили на это внимание! – вы не получили никакого повышения, так вот причина этим неприятностям – только одна! Вы умудрились повесить у себя в кабинете картину, которая оскорбляет и приводит в ярость – да, господин Труни, в ярость! – людей, с которыми вы должны были сотрудничать. Сигруд!

Гигант мгновенно оказывается на ногах.

– Поскольку обслуживающий персонал, похоже, медленно реагирует на команды, которые отдает не господин Труни, на них отреагируешь ты! Немедленно сними со стены эту картину и сломай – да, именно сломай ее! – об колена! И, Труни, – присядьте. Нам нужно обсудить условия вашей отставки.

* * *

Вышвырнув наконец Труни, Шара возвращается к письменному столу, наливает себе большую чашку чая и выпивает ее. До дна. И да, она очень довольна, что картину убрали. Пусть это и непатриотично, но она довольна. И чем дольше она работает на Министерство, тем отвратительней такие проявления шовинизма.

И она поднимает взгляд на Сигруда. Тот заседает в уголке, водрузив ноги на письменный стол. В руках у него обрывок изничтоженного холста.

– Что скажешь? – говорит она. – Я не перегнула палку?

Он отвечает ей красноречивым взглядом: мол, сама-то как думаешь?

– Ну и замечательно, – говорит Шара. – Я даже рада это слышать. Сказать по правде, я получила огромное удовольствие.

Сигруд вежливо откашливается и произносит своим голосом дикаря, голосом дыма и грязи, с акцентом, бьющим по ушам, как кувалда:

– Кто такая Шара Тивани?

– Мало кому известный культурный посол, ее отправили проходить службу в Жугостан шесть лет тому назад. Она погибла – несчастный случай на воде. Но девушка проявила недюжинные бюрократические способности: все инстанции завалены ее отчетами. И когда истек срок ее допуска, и пришло время вычеркнуть ее из ведомостей, я решила не спешить с этим. И воспользовалась ее документами.

– Потому что вы тезки?

– Возможно. Но мы и в другом похожи. Скажи честно: разве я не выгляжу так же? Мелкая серая мышка? Безобидная чинуша-бумагомарака?

Сигруд криво усмехается:

– Никто не поверит, что ты – КП и мышка. Ты же Труни уволила.

– А я и не хочу, чтобы верили. Я хочу, чтобы они не знали что и думать. Беспокоились. Гадали, кто я такая на самом деле.

И она подходит к окну и оглядывает затянутое дымом печных труб небо. Если разворошить гнездо шершней, они вылетают и бросаются на тебя. Но, по крайней мере, у тебя есть шанс разглядеть каждого из этих шершней.

– Ну, если тебе так уж охота, чтобы они вылетели и бросились, – усмехается Сигруд, – назвалась бы своим настоящим именем.

– Я сказала, что хочу разворошить гнездо, а не погибнуть смертью храбрых.

Сигруд насмешливо улыбается и принимается разглядывать обрывок холста.

– Что ты там хочешь увидеть? – удивляется Шара.

И он разворачивает обрывок к ней. Оказывается, это часть картины, на которой изображен кадж: строгий патрицианский профиль, освещенный вспышкой выстрела.

Сигруд гудит:

– Даже я заметил фамильное сходство.

– Прекрати! – рявкает Шара. – И убери это наконец!

Сигруд улыбается, сворачивает обрывок картины и вышвыривает его в мусорную корзину.

– Вот и хорошо, – кивает Шара.

И наливает себе вторую чашку чаю. Все тело ликует.

– Ну что ж, теперь пора браться за дело. Пожалуйста, пригласи сюда Питри.

И, уже тише, добавляет:

– Нам надо осмотреть тело.

* * *

В комнатке жарко, душно, пусто. К счастью, разложение еще не затронуло тело, и здесь не пахнет. Шара смотрит на то, что лежит на койке. На свешивающуюся тонкую ногу. словно бы Ефрем взял и прилег подремать...

Она не видит своего героя. Не видит щуплого, тихого и милого человека, с которым она когда-то познакомилась. Она видит запекшуюся, ободранную плоть, почти утратившую сходство с человеческим лицом. Конечно, потом она видит что-то знакомое: тонкую, как у птицы, шею, льняной костюм, длинные точеные запястья и пальцы и, конечно, конечно, его нелепые яркие носки... Но это не Ефрем Паньюй. Нет. Не он.

Она касается лацканов пиджака – их как в лапшу нашинковали.

– Что случилось с его одеждой?

Питри, Сигруд и охранник наклоняются посмотреть.

– Простите? – спрашивает охранник.

Поскольку в посольстве нет морга, бранные останки доктора Ефрема Паньюя перенесли в сейфовое хранилище. И теперь они лежат здесь на кушетке, подобно ценному грузу, ожидающемуся официального разрешения на вывоз. Впрочем, в каком-то смысле это так и есть.

– Посмотрите на его одежду, – говорит Шара. – Швы, манжеты – все вспорото. Даже на брюках манжеты – и те взрезали.

– И что?

– Вы получили тело в таком состоянии?

Охранник удостоивает тело подозрительного взгляда:

– Ну мы точно ничего с ним не делали.

– В таком случае это сделала мирградская полиция?

– Ну... наверное... Простите, госпожа, я не очень-то в курсе.

Шара стоит неподвижно. Она, конечно, видела такое раньше. И даже сама проводила досмотр, пару раз точно: чем больше на человеке надето, чем больше на одежде карманов, подкладок, отворотов и манжет, тем проще спрятать конфиденциальные материалы.

И тут, безусловно, напрашивается очевидный вопрос. С чего бы кому-то в Мирграде думать, что историку, прибывшему в город с дипломатической миссией, есть что прятать под манжетой?

– Вы можете идти, – говорит она.

– Что?

– Можете оставить нас.

– Ну... Это хранилище для особо ценных предметов, госпожа. Я не могу вас просто взять и оставить...

Шара поднимает на него глаза. Может, усталость или горе растопили всегдашнюю бесстрастность или усвоенная от поколений предков привычка отдавать приказы дала себя знать – так или иначе, охранник смущенно покашливает, чешет за ухом и быстро обнаруживает какое-то срочное дело в коридоре.

Питри направляется следом, но она останавливает его:

– Нет, Питри. Ты останься. Пожалуйста.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Мне хотелось бы выслушать мнение сотрудника посольства. Пусть и не облеченного особыми... полномочиями.

И она оборачивается к Сиггуду:

– Что скажешь?

Сиггуд склоняется над худеньким телом. Внимательно осматривает череп – ни дать ни взять эксперт, устанавливающий подлинность картины. К явному неудовольствию Питри, Сиггуд поддевает кусочек кожи и разглядывает проломы в черепе.

– Какой-то рабочий инструмент, – выносит он свой вердикт. – Может, гаечный ключ. Что-то с выступлениями.

– Уверен?

Тот кивает.

– То есть здесь – никаких зацепок?

Сиггуд пожимает плечами. Может, никаких. А может, и есть какие-то.

– Первый удар нанесли в лоб.

И он показывает на то, что некогда было левой бровью профессора.

– Отметины здесь глубокие. Остальные... не такие глубокие.

«Это мог быть любой инструмент, – думает Шара. – Любое оружие. И это мог сделать кто угодно».

Шара смотрит и смотрит на тело. И уже второй раз за ночь говорит себе: «Не обращаем внимания на частности, зрим в корень». Но... вот он лежит, ее учитель. С разможенным лицом. Тонкие запястья и шея. Рубашка. Галстук. Такие знакомые. Это тоже частности? Как на них не обращать внимания?

Одну секунточку. Одну секунточку. Галстук?..

– Питри... вам часто приходилось видеть профессора? – спрашивает она.

– Ну... я его видел, да. Но мы не были знакомы, если вы это имеете в виду.

– Тогда вы, наверное, не сможете припомнить... – осторожно формулирует она, – или сможете... давно ли профессор стал носить галстуки?

– Галстуки?.. Не знаю, госпожа...

Шара протягивает руку и подхватывает галстук за кончик. Какой он... Полосатый, красный и молочно-белый. Шелковый, прекрасной выделки. Изыск северной моды, совсем

недавно обретший популярность.

– Доктор Ефрем Паньюй, которого знала я, – тихо говорит она, – предпочитал шейные платки. Так принято в академических кругах, насколько я знаю. Профессура носит шейные платки – обычно оранжевые, розовые или красные. Цвета университета. А вот в галстуке я его не видела ни разу. Вы разбираетесь в галстуках, Питри?

– Мгм. Ну... немного. Их здесь все носят.

– Именно. Здесь. А не в Сайпуре. И не кажется ли вам, что это галстук необычно тонкой работы?

И она переворачивает его – поглядите, мол.

– Очень тонкая работа, да. И шелк такой... тонкий.

– Ну... да... А что?

Не отрывая взгляда от галстука, она протягивает Сигруду ладонь:

– Нож, пожалуйста.

В ручище гиганта мгновенно возникает что-то тоненькое и блестящее – похоже на скальпель. Он вручает его Шаре. Та поправляет очки на переносице и низко склоняется над телом. Сквозь рубашку Ефрема просачивается слабый запах разложения. Шара старается не обращать на него внимания – это действительно частность. Неприятная частность, на которую нельзя отвлекаться.

Она пристально рассматривает белые полосы на шелке. «Нет, белые ему бы не подошли. Слишком заметно получилось бы...»

Вот оно – невероятно тонкая красная нить, едва заметные стежки на красном. Маленький квадрат, похожий на карманчик, на обратной стороне галстука.

Внутри белый лоскуток. Нет, не от галстука, от чего-то другого. Она осторожно вынимает его и расправляет на свету.

Несколько строчек угольным карандашом – похоже на шифр...

– Им бы и в голову не пришло искать в галстуке, – тихо говорит она. – Особенно в дорогом галстуке. Они не ожидали от сайпурца такого трюка, правда? И он об этом прекрасно знал.

Питри изумленно таращится на вспоротый галстук.

– Где же он научился таким трюкам?

Шара отдает скальпель Сигруду.

– А вот это, – говорит она, – очень хороший вопрос.

* * *

В окно кабинета прокрадывается утренний свет, осторожно ползет по пустой столешнице и голому ковру, истыканному ножками вынесенной мебели. Шара подходит к окну. Как же странно: по идее, городские стены должны закрывать солнечный свет – во всяком случае, пока оно не стоит в зените, но она видит, как светило поднимается над горизонтом... Стены странно прозрачны, смотришь сквозь них – и солнце словно бы затянута легкой дымкой.

«Как же звали того человека, – думает Шара, – что писал об этом?» Она прищелкивает пальцами, пытаясь вспомнить.

– Вочек, – наконец выговаривает она. – Антон Вочек. Точно.

Профессор Мирградского университета. Автор теории – старой, правда, он сформулировал ее несколько десятков лет тому назад. Тем не менее. Профессор настаивал: тот факт, что Чудесные Стены никуда не делись – а это самое старое и знаменитое чудо из многих чудес Мирграда, – указывает на то, что одно или даже несколько Божеств-основателей города до сих пор в каком-то смысле живы. Подобное нарушение СУ не осталось безнаказанным: естественно, профессор тут же ушел в подполье, и никто его с тех пор не видел. Тем не менее теория не снискала популярности у континентцев. Ибо, если Божества живы, логично спросить, где же они? Почему не спешат на помощь своему народу?

«Вот главная проблема с чудесами, – вспоминает она слова Ефрема. – Голая фактология. Либо чудо есть, либо его нет».

Словно только вчера они об этом говорили... А на самом деле – что-то около года назад. Когда Ефрем Паньюй прибыл на Континент, Шара обучила его базовым техникам: экстренно эвакуироваться из опасного места, избегать слежки, преодолевать бюрократические препоны и – хотя она полагала это избыточным – как создавать и поддерживать тайники для обмена сообщениями. Дополнительные, так сказать, меры безопасности: мало ли что случится, сайпурцев на Континенте совсем не любят... Естественно, поручить такое Шаре – самому опытному из действующих на Континенте оперативников – было все равно, что отправить ее подтирать нос ребенку. Другие бы на ее месте обиделись на такое поручение, а она – она упорно добивалась, чтобы ей дали эту работу. Потому что из всех сайпурцев она больше всего почитала и уважала Ефрема Паньюя: реформатора, лектора и известнейшего историка. Ефрем Паньюй! Человек, которому Сайпур обязан новой концепцией своего прошлого, человек, воскресивший судебную систему Сайпура, человек, который вырвал сайпурские школы из рук богачей и подарил образование жителям трущоб. Так странно было сидеть напротив этого великого человека в Аханастане и смотреть, как он терпеливо кивает в ответ на ее объяснения: мол, когда на заставе в Мирграде требуют показать документы, на самом деле им нужны не документы, а банкнота в двадцать дрекелей. Шара надеялась, что голос не дрожал от благоговейного ужаса... Да уж, опыт совершенно ирреальный, но Шара бережно хранила это воспоминание в памяти. И гордилась им.

Она завершила инструктаж, и Ефрем отправился в Мирград. А она все гадала: встретятся они еще – не встретятся... И вот вчера на стол легла телеграмма: что его нашли мертвым. Точнее – нет. Не мертвым. Убитым. Это уже выбило ее из колеи, а обнаружив, что покойный умел прятать тайные послания в своей одежде – чему она совершенно точно его не учила! – Шара и вовсе не знала что и думать...

«Интересно, – думает она, – он точно здесь историческими разысканиями занимался?»

Шара трет глаза. Спина затекла – сколько в поезде ехали, еще бы... Но она смотрит на часы и думает, думает...

В Сайпуре уже без чего-то восемь.

Шара очень не хочет этого делать. Она устала, в конце концов. Она слишком слаба. Однако, если не сделать это сейчас, потом придется дорого заплатить за промедление. Вроде бы ничего особенного – всего лишь короткая поездка в Мирград, не отчиталась – ну и что, простительный промах. Вот только из Сайпура такой промах может выглядеть как акт государственной измены.

И она приоткрывает дверь своего нового кабинета. В коридоре никого. Она закрывает дверь. Запирает ее на замок. Подходит к окну и закрывает наружные жалюзи – фух, как хорошо сразу стало. Все-таки ее утомило странное, расплывчатое солнце. А потом она

наглухо задвигает окно.

Шмыгает носом, разминает пальцы. Облизывает указательный и принимается писать на оконном стекле.

Шаре часто приходится нарушать закон. Работа такая. Но одно дело – нарушить законы страны, когда ты на вражеской территории. И совсем другое – проделать то, что Шара делает сейчас. В Сайпуре того, что она делает, смертельно бояться. А здесь, на Континенте, это запрещают, искореняют и всячески преследуют нарушителей. Хотя именно на Континенте впервые проделали это.

Ибо сейчас, непосредственно в кабинете ГД Труни, Шара собирается совершить чудо.

Как и всегда, почти ничего не замечаешь: легкое движение воздуха, холодок на коже, словно бы кто-то дверь приоткрыл и сквозняком потянуло. Она выводит знак за знаком, и стекло под ее пальцем размягчается. Последние буквы она выписывает словно бы по воде.

Стекло стало другим: его заволокло инеем, а потом мороз отступает, однако через окно больше не видно жалюзи. В стене зияет дыра. И в дыре Шара видит другой кабинет, где за массивным столом тикового дерева сидит высокая красивая женщина и изучает содержимое толстой папки.

«Как непривычно себя ощущаешь, – мелькает в голове, – когда вот так вот берешь – и в прямом смысле меняешь мир...»

Вообще-то Шара считает, что она выше подобных чувств, но все-таки ее не на шутку сердит вот что: внушительные технологические достижения Сайпура по-прежнему уступают большей части божественных фокусов. Божество Олвос совершала это маленькое чудо уже сотни лет назад: именно так Она могла заглянуть в одно замерзшее озеро и разговаривать с кем-то другим через другое замерзшее озеро, где бы то ни находилось. Шара так и не сумела понять, почему это чудо срабатывает не только со льдом, но и со стеклом. Самая распространенная теория такова, что стекло на Континенте обозначалось словом, очень похожим на слово «лед», и из-за этого лингвистического казуса чудо сработало и на той и на другой поверхности. Хотя... Божествам очень нравилось стекло, они использовали его в самых разных целях, подчас очень странных: так, они могли поместить вещь или даже человека в стекло шириной не толще волоска – прямо как солнечный луч в кристалл.

Женщина за истаявшим стеклом поднимает взгляд. Странная перспектива – словно в иллюминатор смотришь... На самом же деле по другую сторону стекла жалюзи, а за ним – пустота, стофутовый обрыв. Все это игра цвета и звука: где-то в Галадеше, за Южными морями, в Сайпуре, из окна кабинета этой женщины выглядывает Шара, а за ее спиной проступают очертания комнаты ГД Труни.

Женщина вздрагивает от неожиданности, губы ее приходят в движение. Голос тоже слышен, далекий и резкий, как металлическое эхо в водосточной трубе:

– Ой! Ой!

– Можно подумать, вы ожидали увидеть кого-то другого, – говорит Шара.

– Нет. Я ждала, когда ты выйдешь на связь, но не ожидала, что ты прибежешь к... экстренным средствам связи.

«Экстренное средство связи» искажает голос, но даже так чувствуется, какой он низкий и хриплый. Прокуренный.

– Вы бы предпочли, чтобы я к нему не прибегала?

– Ты так редко используешь выданные тебе средства... – говорит женщина, поднимается и подходит к стеклу, – ...по назначению.

– Вы правы. Потому что ситуация... не экстренная, – признает Шара. – Я хотела бы сообщить, что я... в общем, в Мирграде нужно кое-что сделать. По линии оперативной работы.

Женщина в зеркале стекла улыбается. Несмотря на возраст, она все еще удивительно красива: локоны цвета воронова крыла рассыпаны по плечам, и только в падающей на лоб пряди видна седина. Хотя в ее годы многие женщины перестают следить за фигурой, дама в зеркале выглядит превосходно: все изгибы на месте, и это такие изгибы, которых у Шары нет и не будет. Но секрет обаяния тетушки Виньи не в красоте. Нет, все дело в глазах – они у нее большие, широко расставленные, темно-карие. И смотрит тетушка Винья так, словно бы припоминает события долгой и бурной жизни. Жизни, которой можно до смерти позавидовать.

– Ну какая же это оперативная работа? – усмехается Винья. – Обычное дипломатическое поручение.

Шара с облегчением вздыхает – про себя:

– Как вы узнали?

– Документы на имя Тивани, – отвечает Винья. – Они у тебя много лет без дела лежали. Я обычно замечаю такие вещи. Когда кто-нибудь, скажем так, утаскивает с фуршета в рукаве пару печенюшек. А потом это имя всплывает в ночь, когда приходят известия о судьбе бедняги Ефрема. Я верно поняла, чем ты там занимаешься?

«Зря я это сделала, – проносится в голове у Шары. – Я слишком устала для этого разговора».

– Шара, что на тебя нашло? – Голос тетушки звучит мягко и успокаивающе. – Ты же прекрасно знаешь, что я бы ни за что не разрешила тебе ехать.

– А почему нет? Остальные оперативники не успели бы прибыть так быстро. Я – самая подходящая кандидатура, чтобы вести расследование.

– Нет. Не самая. Потому что ты лично в нем заинтересована. Тебя с Ефремом связывают личные отношения. Для тебя найдутся другие дела. И да, ты обязана была уведомить меня, прежде чем ехать.

– Осмелюсь попросить вас проверить почту, – чеканит Шара.

Тень раздражения омрачает лицо Виньи. Она подходит к двери, опускает руку в щель почтового ящика и перебирает накопившуюся стопку депеш. И вытаскивает бумажный листок.

– Прибыло четыре часа назад, – говорит она. – Очень вовремя.

– Именно. Итак, – кивает сама себе Шара. – Все формальности соблюдены. Я не нарушила ни одной директивы. Я – самый старший по званию оперативник. И я прекрасно разбираюсь в материале. Лучше, чем я, историю Мирграда не знает никто.

– О да, – соглашается Винья. И снова подходит к стеклу. – Ты прекрасно разбираешься в истории Континента. Пожалуй, нет в мире человека, который знал бы больше об их мертвых богах. Ефрем знал больше, но он умер.

Шара опускает взгляд.

– Прости, – вздыхает Винья. – Я причинила тебе боль. Но ты должна понять... мне довольно трудно выказывать сострадание подобно обычному человеку. Даже в этом случае.

– Я знаю, – отвечает Шара.

Семь с лишним лет назад тетушка Винья заступила на должность министра иностранных дел. Она всегда была мотором и сердцем Министерства и всегда держала в руке

нити важнейших решений. Просто в какой-то момент настало время официально признать этот факт. Однако с тех пор, как она заняла руководящий пост, полномочия Министерства расширились, а сферы ответственности распространились... практически на все. Теперь Министерство присматривает и за торговлей, и за промышленностью, и за политическими партиями. Даже проблемами окружающей среды занимается. И теперь всякий раз, когда Шара оказывается рядом с Сайпуром – а это случается нечасто, – до нее доходят слухи, что Винья Комайд, матриарх знаменитой семьи Комайд, не просто большая шишка, а одна из самых больших шишек в галадешском политикуме, – так вот люди поговаривают, что она не прочь занять кресло премьер-министра. При самой мысли об этом Шара волнуется и трепещет: а вдруг, если тетя займет высшую должность в Сайпуре – да что там в Сайпуре, в мире! – она сможет наконец-то вернуться домой... Но что это будет за дом?..

– Если бы не ты обучала Ефрема, – говорит Винья, – если бы не ты вела его, не ты тестировала – а ведь ты сама вызвалась и проводила с ним так много времени... ты же сама все понимаешь, дочка. Если бы не это, я бы мигом тебя вызвала... Но кураторам нельзя заниматься делами, связанными со смертью их оперативников. Ты это тоже знаешь.

– Я не была его куратором. Я его только обучала.

– Согласна. Но и ты согласишься: за тобой числится один серьезный проступок. Безответственное поведение, и причиной стала как раз личная заинтересованность.

Шара горько вздыхает:

– Я просто поверить не могу, что мы говорим об этой... истории. Сколько можно?

– Не мы, а я говорю. А ты отказываешься слушать. А в политических кругах мне эту историю припоминают до сих пор – всякий раз, когда я заговариваю о расширении финансирования.

– Это случилось семнадцать лет назад?

– Шестнадцать. Уж я-то знаю. У избирателей короткая память. А у политиков – очень долгая.

– Но после того, как я уехала, разве я доставляла хоть какие-нибудь неприятности? Ни одного скандала, ни одного нарекания. Вы же знаете меня, тетушка. Я прекрасный работник.

– Нет, сокровище мое, я не стану этого отрицать...

И Винья со вздохом замолкает. И глубоко задумывается.

Шара сидит с бесстрастным лицом, на котором, она надеется, невозможно ничего прочесть. Сидит и быстро перебирает в памяти свои реплики – что она успела сказать за эти пять минут. Беседа развивалась совсем не так, как она предполагала: Шара ждала, что тетя ее сурово отчитает, поскольку все выглядит так, словно она ненароком вмешалась в какую-то глубоко секретную и весьма опасную операцию, участником которой, судя по всему, был Паньюй. Но пока тетушка Винья не подает виду и говорит о Паньюе словно тот обычный историк, которому дали поручение по дипломатической линии... «Что значит: либо она не в курсе, – думает Шара, – либо не хочет, чтобы я знала, что она в курсе».

Потому-то Шара сидит и молчит. Если сидеть, молчать и смотреть, можно очень многое узнать – несмотря на все попытки собеседника скрыть истину. Винья, конечно, ее тетя. Но не бывает такого, чтоб начальник и находящийся у него в подчинении оперативный работник не ощущали себя в каком-то смысле соперниками.

– Что ж, – говорит наконец Винья. – Что ж. Раз так, излагай. Что там сейчас за ситуация?

Интересно дело оборачивается. Ну ладно.

– Люди живут очень бедно. Они недовольны. И будет изрядным преуменьшением сказать, что ГД Труни не слишком хорошо руководил посольством.

– Труни?.. Господи ты боже мой, я и забыла, что они засунули его туда... Молодые девицы в поле зрения были?

Шара вспоминает девушку, приносившую чай.

– Одна.

– Беременная?

– Я ничего такого не заметила.

– Слава морям! Замечательно, хоть здесь обошлось...

– А как быть с Мулагеш? Губернатором полиса? Она демонстративно держалась... подальше от мирградской политики. Строго следовала инструкциям, так сказать. Могу я на нее положиться?

– Возможно. Она из армейских. Участвовала в подавлении восстаний. Железная женщина. Ты с такими всегда хорошо ладила. Так, а что там с профессором?

– Я нахожусь в процессе сбора информации, – сообщает Шара.

Она сейчас сама беззаботность и услужливость. Все в порядке, все хорошо, сообщает ее голос.

– А когда ты узнаешь, кто и почему его убил, что станешь делать? – спрашивает Винья.

– Оценю ситуацию на предмет возможной угрозы безопасности Сайпура.

– Значит, о мести и не помышляешь?

– Как можно думать о мести, – чеканит Шара, – когда глаза всего мира устремлены на тебя? Мы должны быть благоразумны и не проливать крови. Я, как и всегда, готова стать послушным орудием в руках руководства нашей страны.

– Ну хватит высоких слов, – отмахивается Винья, – можно подумать, кто-то верит во всю эту риторику...

И задумчиво глядит в сторону.

– Скажем так, Шара. Я буду щедра к тебе. Я дам тебе сроку... ну, скажем... неделю.

Шара вспыхивает:

– Неделю?!

– Да. За эту неделю ты должна выяснить, есть ли в этом деле что-то важное для Сайпура. В конце концов, весь Мирград до последнего человека мечтал убить беднягу! Может, это был дворник, откуда мы знаем? Так что я дам тебе неделю на то, чтобы доказать обоснованность твоего присутствия в Мирграде. В противном случае я тебя отзову и отправлю кого-то другого уладить оставшиеся формальности. Это дело не для тебя, дорогая, Министерство сможет тебе предложить задания, достойные твоего опыта и умений, не сомневайся.

– Неделя...

И Шара лихорадочно думает про себя: сказать про записку? Не сказать? Потом решает: нет, если скажу, вреда будет больше, чем пользы.

– Что такое? Не эта ли храбрая девушка только что сообщила мне, что она – самый старший по званию оперативник на указанной территории? Да еще таким тоном, словно она дунет – и все разлетится, как карточный домик... – И Винья поводит тонкими пальцами, показывая, как, крутясь в воздухе, разлетаются карты. – Если ты такая опытная и умная, моя дорогая, тебе и пары часов хватит! Не правда ли?

Шара поправляет очки на переносице. Ничего не поделаешь, тетя ее переиграла.

– Ладно.

– Вот и хорошо. Держи меня в курсе. И да, постарайся сделать так, чтобы твой человек никого не убил. По крайней мере в ближайшие несколько дней.

– Не могу ничего обещать.

– Знаю. Я на всякий случай попросила.

– Если я в течение недели сумею справиться с ситуацией, – медленно выговаривает Шара. – Если я совершу невозможное и закрою дело, есть ли у меня шанс...

– На что?

– На то, что меня переведут.

– Переведут? Куда?

– Обратно в Галадеш.

Винья непонимающе глядит на нее, и Шара напоминает:

– Мы же говорили об этом. В прошлый раз.

– Ах да, да, – спохватывается Винья. – Действительно, в прошлый раз, да...

«Все ты помнишь, – думает Шара. – Потому что мы говорили об этом и в позапрошлый раз, и позапозапрошлый раз...»

– Должна признать, – улыбается Винья, – что ты единственный оперативник, который желает, чтобы его перевели на кабинетную работу в головном офисе. Я думала, тебе нравится на Континенте. Ты же столько их изучала, столько опыта накоплено...

– Я не была в Сайпуре, – тихо говорит Шара, – шестнадцать лет.

– Шара... – Винье, судя по улыбке, очень неловко. – Ты прекрасно знаешь: ты – мой самый ценный сотрудник на Континенте. Ты лучше всех представляешь себе, что такое Божества... более того, в Галадеше ведь никто не подозревает, что Божественное не исчезло окончательно, что на Континенте сохраняются следы его присутствия...

Сколько раз Шара это слышала, сколько раз...

– Министерство придерживается точки зрения, что рассекречивать информацию о существовании Божественного, точнее, его остаточном присутствии нецелесообразно. Сайпурцы предпочитают верить в то, что все это стало историей. Точнее, прахом. Что ничего этого больше не существует. Они не должны узнать, что на Континенте активны некоторые чудеса. И им точно не следует знать, что там остались кое-какие божественные существа. Которых вы с напарником так замечательно... элиминируете.

Шара молчит. Тетушка даже отдаленно не представляет себе, что это значит – уничтожить божественное существо.

– Пока Божества пребывают в своем нынешнем состоянии – то есть технически мертвом – нас все устраивает. И даже более чем устраивает. Незачем говорить людям то, что они не хотят слышать, – продолжает Винья.

Шара вздыхает и проговаривает очевидное:

– А поскольку я видела слишком много вещей и существ, существование которых мы не можем официально признать, я не могу вернуться домой.

– Учитывая, кто ты, мы уверены: как только ты вернешься, тебя станут усиленно расспрашивать. А поскольку ты знаешь слишком много о том, что никому знать не надо...

Шара закрывает глаза.

– Подожди немного, родная моя, – вздыхает Винья. – Ты же видишь, я делаю для тебя все, что могу. Сейчас входят в силу политики, которые прислушиваются к моему мнению. Скоро у них не останется другого выбора – им придется согласиться со мной...

– Проблема в том, – тихо говорит Шара, – что мы, оперативники, сражаемся ради того, чтобы дома было все спокойно. Но... время от времени нам нужно возвращаться домой. Просто для того, чтобы помнить – какой он, этот дом, ради которого мы сражаемся.

Винья презрительно отфыркивается:

– Что за сантименты! Ты – Комайд, детка. Ты – дочь своих родителей. Ты мое дитя. Ты патриотка. Где ты – там Сайпур.

«У меня на глазах умерло столько людей, – хотела бы сказать Шара. – И я подписала столько смертных приговоров, что перестала быть похожей на родителей. Я стала другой. Совсем другой».

Винья улыбается, глаза блестят от слез:

– Пожалуйста, береги себя, девочка моя. В Мирграде вес истории ощущается сильнее, чем в прочих местах. Я бы на твоём месте следила за каждым своим шагом. Ведь ты – прямой потомок человека, который не оставил от прежнего Континента камня на камне.

И она протягивает руку, протирает стекло и исчезает из виду.

Задача Министерства иностранных дел состоит в том, чтобы упорядочивать то, что в принципе не поддается упорядочиванию.

Так или иначе, если нечто невозможно сделать, это не значит, что жители Сайпура не должны ожидать, что это все-таки будет сделано: в конце концов, разве перед Войной невозможное не случалось на Континенте каждый день и каждый час?

И разве не по этой причине в Сайпуре и остальном мире людям снятся по ночам кошмары?

Из письма премьер-министра Анты Дуниджеш министру Винье Комайд. 1712 г.

[Купить полную версию книги](#)